

В ту ночь хлынул ливень, а на следующий день, когда я снова пришел посмотреть, бабочка, которая не смогла улететь, уже лежала мертвая на том же месте. Крупные слёзы покатались из моих глаз — мне было так горько. Это была моя первая бабочка, и её крылья излучали голубоватое фосфоресцентное свечение, словно сон.

Они сказали:

— Это твоя вина, зачем ты её поймал? Что толку плакать? Теперь она мертва. Так тебе и надо!

Сестра вздохнула пару раз. Она не была ко мне жестока и, погладив меня по голове, объяснила:

— Иногда ошибки невозможно исправить. В следующий раз не лови бабочек. Я могу подарить тебе альбом с их изображениями, это тоже будет красиво.

Я выкопал маленькую ямку и похоронил её, а сестра помогла мне посадить сверху несколько семян камелии, сказав, что однажды они превратятся в цветы.

Я долго думал, а потом серьезно спросил:

— А если... если я снова сделаю что-то неправильное, что тогда делать?

Ответа я не получил. И потому я продолжал с упоением ловить бабочек, словно пытался ухватить те прекрасные, но недостижимые вещи в жизни, крепко сжимая в руках то, что длилось лишь мгновение.

Мои навыки постепенно совершенствовались, но даже у самого искусного охотника бывают промахи. Многие бабочки погибали в моих руках, превращаясь в слёзы и камелии. Позже я наконец понял одну вещь — если не хочешь причинять им вред, не протягивай руку.

Не ошибайся. Если ошибешься, это уже нельзя будет исправить.

Сун Чэн.

Теперь я колеблюсь.

Но я не жалею о лжи, которая сорвалась с моих губ. Я просто чувствую, что не должен был так поступать. Люди — существа, которые зависят от нежности и жаждут получить больше... ещё больше. Я не должен был думать, что смогу устоять перед этой нежностью.

Никто не может устоять перед любовью.

Я разжал пальцы, и телефон упал на пол. Медленно свернувшись в уголке кабинета, я осознал, что совершил огромную ошибку. Я ошибся, не сохраняя дистанцию между партнерами без обязательств, не пытаясь всеми силами соблазнить Сун Чэна, чтобы, получив свое, уйти без сожаления. Я ошибся, позволив себя привлечь теплоте свету и аромату супа, последовав за Сун Чэном из любопытства в его дом. Он не должен был быть для меня особенным, это я сделал слишком много неправильного.

Я прекрасно знаю свою эгоистичную натуру, как легко я играл чувствами Сун Чэна, будучи безответственным подонком. Даже если после признания он изобьет меня, бросит — все это будет заслуженно. Но Сун Чэн такой нежный, заботливый и терпеливый. Если он из-за меня, этого мерзавца, пострадает, он, скорее всего, просто мягко расстанется со мной и молча

соберет осколки лжи, разбросанные повсюду.

Я не могу представить его печальное лицо... мое сердце разрывается.

Я боюсь. Боюсь, что он станет похож на ту первую бабочку, промокшую под дождем и превратившуюся в холодный голубой цвет.

Я бесцельно размышлял, вдруг осознав, что раньше всегда считал свои действия естественными, и никто не заставлял меня думать об этом.

Возможно, поймав эту бабочку, я сам оказался в её сети.

— Малыш, тебя зовут Сюй Цзюньянь, верно?

— Подними на меня глаза, я ведь ничего тебе не сделаю.

— Почему ты боишься на меня смотреть?

— Почему?

На улице, в сумерках после школы, я шел один, опустив голову, пиная ногой камешки по дороге к автобусной остановке.

Сюй Юйчжун подшутил надо мной, заперев в школьной кладовке, и только благодаря доброму учителю, который проходил мимо, мне удалось выбраться. Машина семьи Сюй, которая должна была меня забрать, уже уехала. В те дни Сюй Юйчжун, раздраженный тем, что дядя взял с собой в командировку только Сюй Юйчэна, вымещал злость на мне, придумывая разные способы меня изводить. Я знал, что он, скорее всего, обманул водителя, сказав, что я уже ушел. Он всегда так делал, поэтому мне пришлось ехать на автобусе.

Позже я понял, что взрослые не так легко поддаются на уловки детей, если только они сами не знают правду.

Зачем им ссориться с настоящим наследником семьи Сюй из-за таких мелочей? Я ведь всего лишь ублюдок.

Потом, на повороте улицы, какой-то мужчина схватил меня за руку. Я не помню его лицо, возможно, от страха я даже не поднял на него глаз. Он сильно дернул меня, волоча в пустой переулок, где никого не было.

В тот день было особенно жарко, и я, сопротивляясь, весь вспотел. Страх перед тем, что меня контролируют, сделал мой мозг пустым.

Он ничего мне не сделал, только схватил за плечи и потянул за воротник, чтобы посмотреть мой школьный значок. Я помню, как он нервно и торопливо спрашивал, в каком я классе и как меня зовут. Я не понимал смысла этих вопросов, но, руководствуясь инстинктом, сопротивлялся этому мужчине, крепко сжимая значок в руке и не желая его отпустить.

В конце концов я проиграл. Он увидел мое имя, и его рука, крепко сжимавшая мое плечо, словно от удара током, разжалась. Я заметил, как его пальцы неестественно дернулись в воздухе, а затем он схватил меня за подбородок, заставляя поднять голову. Я смутно знал, что многие похитители убивают тех, кто видел их лица, поэтому крепко закрыл глаза. Его тон вдруг стал настойчивым, с пугающей злостью.

Тот вечер постепенно стерся из памяти, остались только тени узкого переулочка и моя спина, мокрая от пота, как доказательство того, что это действительно произошло. Бесконечные, навязчивые и болезненные вопросы мужчины стали моим кошмаром на долгие годы, и этот призрак преследовал меня, не давая покоя:

— Почему ты боишься на меня смотреть?

Если бы у кошмара было имя, его бы звали отец.

Я проснулся в холодном поту. Сунь Нин убрала руку, которой щипала меня, и впереди кто-то продолжал говорить. Она прикрыла отчетом губы, подкрашенные светло-красной помадой, и тихо сказала:

— Сюй Цзюньян, ты уже второй раз за этот месяц засыпаешь на собрании. Я знаю, что рано утром это тяжело, но ты ведь представляешь нашу группу, так что, пожалуйста, не позорь нас.

Я извиняюще улыбнулся, потер виски, чтобы взбодриться. В последние дни дел было много с обеих сторон, у меня появилось несколько новых идей, и я хотел все сделать как можно лучше, поэтому часто засиживался до 3–4 часов ночи, а на собраниях незаметно засыпал, опираясь головой на руку.

После окончания собрания все вышли из зала, и Сунь Нин со мной шла позади. Вдруг она сказала:

— В последнее время... проект не так уж сильно торопят, не надо делать вид, будто наша группа эксплуатирует людей.

— Это мои личные дела, в следующий раз я буду внимательнее, — я горько улыбнулся. — Хорошо, что ты меня разбудила, мне приснился неприятный сон.

— У беспечного богатого мальчика тоже бывают неприятности?

Когда мы оставались вдвоем, Сунь Нин всегда находила повод уколоть меня этим. Я думал, что она, вероятно, просто ненавидит богатых, но не мог объяснить ей сложную ситуацию в нашей семье — я вряд ли был тем самым богатым мальчиком, хотя со стороны казался успешным.

— У каждого есть свои заботы, — я не стал спорить, лишь пожал плечами. — Ты думаешь, мне легко?

— Ну, не совсем.

Первая группа людей уже ушла, и мы с Сунь Нин вошли в другой лифт. Она сказала:

— На мой взгляд...

Не успела она закончить, как лифт, который до этого работал нормально, резко дернулся. Сунь Нин, стоявшая на каблучках, потеряла равновесие и упала ко мне в объятия. Она вскрикнула, ухватившись за мою одежду, а я инстинктивно обнял её, упершись рукой в стену, чтобы удержаться. Лифт стремительно падал, казалось, вот-вот разобьется, и мое сердце заколотилось — неужели я умру вместе с Сунь Нин?!

К счастью, лифт лишь резко опустился, а затем застрял где-то между этажами и полностью остановился. Мы с Сунь Нин, дрожа от страха, выпрямились, а аварийный свет лифта

загорелся. Мы переглянулись.

Она быстро взяла себя в руки, достала телефон и позвонила в службу ремонта. Оказалось, что вчера на всех этажах уже вывесили объявления о неисправности этого лифта, но мы с ней не обратили внимания. Ремонтники сказали, что приедут в течение 20 минут. Сунь Нин повесила трубку, её лицо было мрачным:

— Не знаю, когда мы выберемся, утром вряд ли успеем что-то сделать.

— Мы только что чудом выжили, а ты уже думаешь о работе, ты просто невероятна.

Из-за неожиданного «объятия» в этом тесном пространстве стало неловко, и я пошутил:

— Жаль, что у нас в компании нет наград за трудолюбие, иначе ты бы точно получила первую премию.

— Я просто ответственно отношусь к своим обязанностям.

Её лицо немного смягчилось.

— Здесь очень жесткая конкуренция, и если женщина хочет занять свое место, стать лидером и заслужить уважение, она должна делать все на высшем уровне. Тебе это не понять.

— Иногда не нужно быть таким строгим к себе, достаточно просто стараться. Зачем так мучить себя? — сказал я.

<http://bllate.org/book/16832/1548617>